

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

VR «К созданию институциональной политической экономии» – своего рода Манифест, разработанный и написанный профессором Аленом Кайе по итогам серии лекций, которые были прочитаны в 2005 г. в Индонезии ведущими представителями неортодоксальных школ экономической мысли Франции: Робером Буайе (школа регуляции), Эриком Бруссо (неоинституциональная школа), Оливье Фавро (школа конвенций) и самим Аленом Кайе (антиутилитаристская школа MAUSS). Они представляли свои взгляды индонезийским исследователям и политикам, которые хотели услышать альтернативу мейнстриму экономической теории, господствовавшей в их университетах, и желали дистанцироваться от неолиберальной политики, чуть не разрушившей страну в 1997 г. В ходе этих лекций Кайе обратил внимание на то, что в основе своей представленные подходы солидарны. И решил зафиксировать позиции, по которым они сходятся. Результатом его усилий и стал данный «Манифест», первоначально написанный по-английски. Его французская версия под заголовком «К созданию другой экономической науки (а тем самым и другого мира)?» была опубликована в 2007 г. в тридцатом номере выходящего дважды в год альманаха «La Revue du MAUSS». Вскоре появился и испанский перевод.

К первоначальной группе экономистов, подписавших данный документ – Эрику Бруссо [Eric Brousseau], Роберу Буайе [Robert Boyer], Алену Кайе [Alain Caillé] и Оливье Фавро [Olivier Favereau] вскоре присоединились и другие неортодоксальные экономисты – Хосе Луи Корраджо [Jose Luis Corragio], Питер Холл [Peter Hall], Джеффри Ходжсон [Geoffrey Hodgson], Марк Хамберт [Marc Humbert], Ахмет Инсел [Ahmet Insel], Майкл Пиоре [Michael Piore], Ронен Палан [Ronen Palan], Пол Сингер [Paul Singer]. За ними последовали известные экономсоциологи: Дженс Беккерт [Jens Beckert], Франсуа Ватэн [François Vatin], Боб Джессоп [Bob Jessop], Марк Грановеттер [Mark Granovetter], Вивиана Зелизер [Viviana Zelizer], Жан-Луи Лавилль [Jean-Louis Laville], Филипп Штайнер [Philippe Steiner] и др. Возникла идея создания новой ассоциации. Реализуется она или нет, увидим. А пока познакомимся с идеями самого Манифеста.

Р. Буайе, Э. Бруссо, А. Кайе, О. Фавро

К СОЗДАНИЮ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Введение

Как только мы пытаемся формулировать основы нестандартных и неортодоксальных экономических подходов и особенно когда из них выводятся какие-либо заключения для экономической политики, сразу же становится очевидным, что различия между этими неортодоксальными школами куда

*Источник: Boyer R.,
Brousseau E., Caillé A.,
Favereau O. Towards an
Institutionalist Political Economy.
Перевод В.В. Радаева.*

менее принципиальны по сравнению с очевидным единством взглядов. Мы попытаемся выявить, эксплицировать и изложить те ключевые области, в которых сходятся эти нестандартные экономические подходы. При этом мы постоянно будем иметь в виду те теоретические и концептуальные проблемы, которые еще должны быть поставлены и решены. Мы исходим из предположения, которое одновременно образует основу нашей исследовательской программы, что только в рамках *институциональной политической экономики* разнообразные школы нестандартной экономической мысли имеют возможность ясно осознать свое потенциальное единство и найти общую платформу. Следует добавить, что наши заявления выдвигаются не с целью фронтального наступления на позиции стандартной экономической теории. Тем более, что немало правоверных экономистов в действительности могут согласиться со многими из высказанных далее положений. Скорее, наша задача заключается в том, чтобы очертить общую перспективу, в рамках которой мы сможем лучше понять аналитические достижения стандартной экономической теории.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

1. Экономикс против политической экономики

Исторически экономический анализ развивался в русле двух соперничающих традиций: *политической экономики*, вбирающей политические контексты, и *экономикс*, или экономической науки, освободившейся от этого контекста. Мы полагаем, что следует признать принципиальное первенство первой традиции над второй. Это означает, что мы воспринимаем экономическую науку не как техническую или математическую дисциплину (хотя, конечно, роль математики сегодня трудно переоценить), но как дисциплину, тесно связанную с общей социальной теорией, а также с политической и моральной философией. В этом смысле, политическая экономия образует ветвь политической философии, которая, со своей стороны, формирует основание для каждой из социальных наук. С этой точки зрения правомерно интерпретировать *экономикс* (или экономическую теорию) лишь как аналитическую составляющую политической экономики.

2. Политический институционализм

Практически все неортодоксальные экономические школы сегодня являются в той или иной мере институционалистскими, если институционализм понимается в достаточно широком смысле и включает так называемую неинституционалистскую школу. То, что на сегодняшний день сохранилось от великой традиции классической политической экономики, на наиболее общем уровне выражается через положения институционализма. Таким образом, союз между политической экономией и институционализмом более чем естественен.

Главным положением всякого институционализма является то, что хозяйство может функционировать только в соответствующих институциональных формах. Условия, необходимые для успешной работы хозяйства, в той же мере коренятся в четко определенной институциональной системе, как и в развитии гражданского общества. Одним словом, институты имеют значение, и институционализм направляет их на службу всему жизнеспособному и творческому, что существует в социальной среде. Различия между разновидностями институционализма обусловлены разными способами концептуализации этого институционального контекста (понимаемого через категории культуры, закона, государства и т.п.) и его происхождения (синхронного или диахронного, индивидуального или коллективного). Таким образом, институциональная политическая экономия в принципе не считает возможным отделять анализ хозяйственных рынков от рефлексии по поводу их политических и этических оснований. Она воспринимает как серьезную ошибку тот способ анализа, при котором сначала обособленно изучаются рынки или хозяйства, а затем

рассматриваются институты, необходимые для их успешного функционирования. Понимая, что экономические институты самым тесным образом переплетены с политическими, юридическими, социальными и этическими нормами, институциональная политическая экономия выступает за возрождение интегрированного подхода и анализ их взаимного проникновения. Область политического, в противоположность более узким сферам политической власти и мерам экономической политики, выступает именно тем пространством, где подобное взаимное проникновение обретает форму.

3. Ситуативный институционализм

По изложенной выше причине общие теоретические концепции институциональной политической экономии и, тем более, получаемые на ее основе прагматические выводы не могут оставаться сугубо спекулятивными. Их нельзя применить повсеместно, вне зависимости от времени, исторического и социального контекста, в котором укоренена любая экономика. Подобно всяким теоретическим построениям, концепции институциональной политической экономии закономерно не лишены абстрактного характера, но они никогда не оставляют реальность за скобками.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ, ТЕЗИСЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Критические положения

4. Выходя за пределы стандартной и расширенной стандартной парадигм

Все течения институционализма занимают критические позиции в отношении как стандартных предпосылок, на которых построена модель «экономического человека» (полная информация, максимизирующее параметрическое рациональное поведение, основанное на эгоистическом интересе), так и классической теории общего равновесия, предполагающей, что присущие свободному рынку саморегулирующиеся механизмы координации поведения его агентов автоматически приводят к экономическому оптимуму. Эту мысль можно уже не развивать. Интереснее обратиться к тому, что получило название *расширенной стандартной парадигмы* [extended standard paradigm]. Она опирается в сильной степени на теории игр и идею стратегической рациональности, исходящей из того, что экономические агенты калькулируют не столько величину полезности, которую они способны получить от потребления продуктов и услуг, сколько полезность, которую они способны получить в результате оппортунистического или кооперативного поведения в отношении других экономических агентов. В рамках этой парадигмы продемонстрировано, что обычно достигаются лишь локальная координация и не самые оптимальные результаты. Однако, подобно более ранним моделям 1930-х годов, предложенным накануне кейнсианской революции, эти модели, основанные на теории контрактов и теории стимулирования, к настоящему моменту остаются по сути своей моделями частичного равновесия. Согласно институциональной политической экономии, никакая сколь-либо жизнеспособная, продолжающаяся и глобальная координация не может быть достигнута посредством сугубо инструментальной индивидуалистической рациональности, не важно, параметрической или стратегической. И таким путем для нее не могут быть созданы ее структурные основания. Возникновение сколь-либо эффективной координации на макроуровне предполагает, в той или иной мере, наличие разделяемых ценностей и политического регулирования.

5. Преодолевая противопоставление рынка и государства

Все формы институционализма демонстрируют недостаточность и неизбежность провалов сугубо рыночного регулирования. Однако заменить рыночное регулирование огосударственной экономикой никто тоже не предлагает. Все признают ту важную роль, которую играют и государство (в его более или менее широком понимании), и рынок. Главное здесь – избежать такой концепции ожидаемых взаимоотношений между ними, которая уподобляется игре с нулевой суммой, когда государство считается единственным надежным лекарством против сбоев рынка, а рынок, в свою очередь, оказывается единственным эффективным инструментом борьбы с негативными последствиями государственного вмешательства. Институциональная политическая экономия исходит из принципиальной роли Общества как такового, которая оказывается важнее координации и регулирования, осуществляемого в рамках связи Рынка и Государства. Таким образом, наряду с Государством и Рынком, институциональная политическая экономия исходит из относительно самостоятельного существования Общества, как бы оно ни определялось – как гражданское общество и общество ассоциированных связей или, в более общем виде, как совокупность местных, национальных, внутри- и наднациональных социальных отношений.

Результаты

6. Вместо одного – три институционально оформленных способа обращения

Как было убедительно показано Карлом Поланьи и другими исследователями, оборот продуктов и услуг осуществляется отнюдь не только посредством рыночной системы и, тем более, не только через систему саморегулирующихся рынков. Продукты и услуги также циркулируют через системы Перераспределения, реализуемые той или иной формой Центра (в современный период его роль выполняет Государство) в соответствии с принципом централизации, а также посредством Реципрокности – на основе принципа симметрии. Именно реципрокность была отражена Марселем Моссом в его «Очерке о даре» в виде тройственного обязательства – давать, принимать и возмещать [give, take and return]. Поскольку ни один из указанных способов обращения не может существовать независимо от других и поскольку каждый из них неизбежно заимствует ресурсы двух других и передает им свои ресурсы, отношения между рынком, перераспределением и реципрокностью никогда не являются чем-то естественным и не формируются стихийным образом. Они всегда имеют специфический характер – в зависимости от конкретных исторических, культурных и политических контекстов. Эти способы должны быть *институционально оформлены* [instituted], т.е. получить свои конкретные воплощения в рамках специфических институтов.

7. Отсутствие синхронного, единственно возможного наилучшего пути развития институтов: проблема зависимости от первоначально избранного пути [path-dependency]

Одно из важных заключений институциональной политической экономии состоит в том, что никакой единственный с экономической точки зрения «наилучший путь» не существует и не может существовать. Нет никаких универсальных рецептов или технических решений, которые можно было бы применить вне времени и пространства, без детального изучения исторических, социальных и географических условий, без учета зависимости от первоначально избранного пути и понимания специфики конкретной хозяйственной системы. Это решительно противопоставляет институциональную политическую экономию господствующей парадигме, воплощенной в так называемом «Вашингтонском консенсусе», который предполагает, что Рынок может и должен быть внедрен повсеместно, в любую эпоху, как будто институты – это *аналог механических устройств* или материальных предметов, которые можно продавать или передавать в готовом виде, независимо от

сложившихся исторических условий. Вместо этого институциональная политическая экономия видит институты как *аналог культур*, т.е. как интерпретативные схемы коллективных форм существования.

8. Отсутствие диахронного, единственно возможного наилучшего пути развития институтов: невозможность устойчивого состояния

По тем же причинам ни одна совокупность институтов, как бы хорошо она ни соответствовала определенному историческому периоду, не может существовать вечно. Соотношение между рыночным обменом, перераспределением и реципрокностью неизбежно должно претерпеть изменения, подобно тому, как смещаются точки равновесия между различными социальными классами и группами, между частной, общей и публичной сферами, а также между национальными, внутри- и наднациональными сферами.

9. Теория институциональных изменений; независимость избранного пути; преемственность и разрывы

Опасно впадать в функционалистские фантазии, согласно которым действующие институты чудесно встроены в общество, которое они одновременно отражают и формируют, просто в силу своего существования. Не менее опасно впадать и в другую крайность, фанатически уверовав в возможности неограниченного волюнтаризма. Одна из наиболее насущных исследовательских задач, стоящих перед институциональной политической экономией, заключается в нахождении критериев институциональных изменений – для того, чтобы идентифицировать те институциональные элементы, которые должны быть полностью сохранены, и те элементы, которые должны быть подвергнуты решительным изменениям.

Исследовательская программа

10. Многоуровневый анализ

Институциональная политическая экономия призвана производить анализ на всех уровнях действия – микро-, макро- и мезо-, начиная с двусторонних контрактов и кончая наиболее общими политическими компромиссами; покрывая широкий круг ассоциативных образований – от совершенно частных до совершенно публичных, от сферы индивидуального до сферы коллективного действия.

11. Обновленная теория действия

Будучи не удовлетворенной фиктивными построениями модели «экономического человека», будь то ее классическая версия, основанная на концепции параметрической рациональности, или расширенная стандартная версия, связанная с концепцией стратегической рациональности, институциональная политическая экономия должна разработать свою специфическую теорию социального и экономического действия. Именно здесь, скорее всего, проявятся наибольшие различия между разными институционалистскими школами. Но из того факта, что все выступают за проведение в той или иной форме многоуровневого анализа, для институциональной политической экономии неумолимо вытекает необходимость избежать скатывания к одному из полюсов: стандартному и упрощенному методологическому индивидуализму или обладающему теми же качествами холизму. Она призвана построить модели субъекта, способного действовать не только как независимый, полагающийся на свои силы индивид, но также как член семьи (или действовать в интересах семьи), профессиональной группы, организации или института, одной или нескольких

социальных, политических, культурных и религиозных общностей (или во благо этих общностей). На более общем уровне, даже экономические акторы как таковые не могут быть представлены в качестве автономных максимизирующих и калькулирующих существ. Мы должны принимать в расчет их попытки придавать определенный смысл собственным действиям, по крайней мере, в той степени, в какой это позволяют концепции индивидуальной «рациональности».

НОРМАТИВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

12. Сначала сформировать политическую общность

Выведенное нами наиболее общее заключение состоит в том, что мы не можем обеспечить сколь-либо долгосрочные экономические эффекты, не создав длительно существующую, сильную и жизнеспособную политическую и этическую общность. В этом отношении политические и этнические элементы такой общности должны быть предпосланы экономическим – *даже в решении экономических проблем*. А сколь-либо устойчивая и жизнеспособная политическая общность, в свою очередь, не может существовать, не будучи на практике работающей социальной общностью, которая основана на разделяемых корневых ценностях и сходном понимании справедливости – короче говоря, которая не является *в то же время* моральной общностью.

13. Построить демократическую общность

Никакая современная политическая общность не может быть сформирована без использования демократических идеалов. Конечно, здесь возникает серьезная проблема: существующие демократические идеалы часто конфликтуют между собой, а многие из них слишком нагружены риторикой и идеологией (о вреде пороков и пользе добродетели, так сказать). Первичная проблема, к решению которой мы должны обратиться, выглядит так: каков тот приоритет, без которого демократия по сути не может существовать? Следует ли первоначально сформировать политическое сообщество, не важно, демократическое или нет, чтобы затем бороться за его демократизацию? Или следует попытаться сразу же строить демократическое политическое сообщество в надежде, что разделяемые демократические идеалы сами по себе выступят как наилучший цементирующий материал? В данном тексте мы не можем погружаться в эту огромную и сложную дискуссию. Но в качестве отправной точки для институциональной политической экономии можно было бы подчеркнуть, что подлинно демократическое общество действительно заботится о наделении реальной властью по возможности наибольшей доли своего населения и, более того, оно способно утвердить себя, именно предоставляя населению такие реальные возможности.

14. Формировать моральную и справедливую общность

Никакая политическая общность не может формироваться и воспроизводиться, если она не базируется на разделяемых базовых ценностях. И она просто не может быть жизнеспособной, если подавляющее большинство ее членов не верят (обладая некоторым общим знанием) в то, что подавляющее большинство сограждан (а в особенности политические и культурные лидеры) руководствуются этими ценностями. Это более или менее значимое распространение общих ценностей порождает соответствующее более или менее значимое понимание справедливости, являющееся конечным основанием всякой политической легитимности.

15. Обобщая и радикализируя взгляды Дж. Роулза

Если существование и устойчивость политической общности воспринимаются не как нечто само собой разумеющееся, а как то, что еще должно быть обеспечено и воспроизведено, возникает незамедлительная потребность в расширении теории справедливости Джона Роулза. Насколько бы важным ни было это положение, недостаточно сказать, что неравенство допустимо лишь в той мере, в какой оно позволяет улучшать позиции беднейшей части населения. Мы должны сделать здесь существенное добавление: неравенство переносимо лишь до того уровня, когда оно не начинает разрушать и в конечном счете разрывать на куски политическую и моральную общность. Справедливость не может обеспечиваться, если мы смотрим лишь на нижние слои общества и не обращаем внимания на то, что происходит наверху. Иными словами, построение политической общности предполагает ведение борьбы с обеими крайностями – и с бедностью, и с нелегитимным частным богатством.

16. Обобщая и радикализируя взгляды Ш. Монтескье

Если демократия не сводится к политической и конституционной системе общества и если она на более общем уровне связана с наделением властными возможностями большей части населения, то наличия системы сдержек и противовесов внутри политической системы между законодательной, исполнительной и судебной властью (к которым еще можно добавить власть средств массовой коммуникации) оказывается недостаточной (насколько бы важной ни была эта система). Необходимо также представить систему сдержек и противовесов между Государством, Рынком и Обществом, а в экономической плоскости – между обменом, перераспределением и реципрокностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

17. Сравнительный нормативный подход к исследованию институтов

Одна из первоначальных задач институциональной политической экономии заключается в том, чтобы определить наилучшие институциональные основания для данного общества в определенный период времени. Поскольку ни одна из систем институциональной организации не способна в принципе обеспечить универсальный «наилучший путь», институциональная политическая экономия более чем критично относится к абстрактным теоретическим положениям и нормам экономической политики, присущим стандартной (или расширенной стандартной) экономической парадигме. Но институциональная политическая экономия не предполагает и обратного: что все институты априорно наилучшим образом соответствуют обществам, в которых они существуют. Таким образом, она столь же явно выступает и против релятивизма, трактующего культуру и общества как если бы они были гомогенными, вечными сущностями, неспособными к изменениям, противостоящими другим культурам и обществам. Как уже отмечалось, задача состоит в том, чтобы определить критерии, позволяющие избежать как абстрактного универсализма, так и универсального релятивизма. И справиться с такой задачей может только нормативный неуниверсалистский и нерелятивистский сравнительный подход к исследованию институтов.

18. К разработке градуалистской реформаторско-революционной теории эволюции

Одно из основных заключений институциональной политической экономии гласит: тот, кто планирует изменения сложившихся институтов, должен проявлять скромность и осторожность. Имея в виду сложные, запутанные последствия всяких институциональных изменений, мы никогда не можем быть уверены в характере конечных результатов. Если

реформы проводятся по идеологическим или риторическим причинам (и тем более, если они навязаны чужой властью), результаты, скорее всего, будут противоположны ожидаемым. Самые постепенные реформы, тем самым, намного безопаснее радикальных пертурбаций. Это может показаться призывом к некоему скромному реформизму. Но имеется в виду не это. Хорошей реформой следует считать ту реформу, которую никто (включая даже политических противников, выигравших последующие выборы) не хочет ликвидировать после ее воплощения. Вот и искомый критерий – степень разрыва между существующими и желаемыми институтами. По-настоящему хорошая реформа – та, что должна была начаться долгое время назад и которую никто не может оспорить, когда она практически начинает воплощаться. Подобные реформы (мы можем также назвать их сдвигами) могут казаться очень скромными и, тем не менее, порождать огромные последствия. Эти скромные реформы могут стать поистине революционными. Хотя политическая ситуация может сложиться и так, что только революция в виде грубой и насильственной смены политического режима позволит осуществить хотя бы какие-то реформаторские сдвиги.